

Леонид Кабанов

тропами судьбы

Леонид Кабанов
Тропами судьбы

«Геликон Плюс»

2020

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кабанов Л. Г.

Тропами судьбы / Л. Г. Кабанов — «Геликон Плюс», 2020

ISBN 978-5-00098-255-6

Это история о династии. Главный герой – Леонид Кабанов. Он родился в послевоенное время. Его дед – бывший колчаковец, чуть позже – красноармеец. Судьба уготовила деду ловушку: расстрел в 30-е годы прошлого столетия, которого удалось избежать. Его отец – фронтовик, побывал в плену. В пять лет умерла его мама. Он – уличный мальчишка, хулиган, бунтарь, но одновременно – отличник и добрый мальчик. Куда закинет его судьба? В тюрьму, в нормальную жизнь? Наверное, гены хороших предков выиграли бой. Мальчик выбрал нормальную жизнь, и она вознаградила его сторицей: учеба в престижном заведении, работа журналистом по всей стране сказались на характере героя. Он был в разных перипетиях, но всегда оставался человеком.

УДК 83.3.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-255-6

© Кабанов Л. Г., 2020

© Геликон Плюс, 2020

Содержание

Часть 1. Безоблачное детство	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	25
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Часть 2. Прыжок во взрослую жизнь	36
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонид Кабанов

Тропами судьбы

© Кабанов Л., текст, 2020.

© «Геликон Плюс», макет, 2020.

* * *

Часть 1. Безоблачное детство

Глава 1

Зинаида умирала долго и мучительно. В 26 лет рак изнутри разорвал веселую хохотунью, мать пятилетнего Лени и восьмимесячной Любы. Операция в Челябинске не помогла: поздно обратились.

Июльским вечером под шелест дождя сердце Зинаиды остановилось. Григорий, муж, недавний фронтовик, взвыл страшным голосом, упал в ноги жены и так пролежал до утра.

Дождь понемногу угомонился, дед Александр, отец Зины, взял в руки рубанок и начал сооружать гроб. Женщины суетились вокруг усопшей. Одни ее обмывали, а соседка бабка Кузничиха охрипшим голосом читала молитвы. В белом платке, темно-сером платье Зина лежала спокойная, с едва заметной морщиной у рта. Земная жизнь закончилась, она уходила в небытие, оставив двух сирот на попечение отца и дедушки с бабушкой.

Приехал фотограф. Семнадцать человек расположились по степени родства. Дед Владимир с женой Матреной – родители Григория, Катя – жена брата Зины Федора, тот служил в армии, Григорий с дочкой на руках, Ленька с бабкой Ариной, матерью Зины, дед Александр – ее отец стояли в первом ряду.

Ленька угрюмо, с обидой на весь мир – его не пускали гулять с ребятами, – терпеливо ждал окончания фотографирования. Наконец все стали расходиться. Ленька юркнул к забору, нашел дыру и через секунду был у озера. Там пацаны жгли костер, на углях жарили пескарей. Колька, лучший друг, спросил:

– Что там было?

Ленька потянулся за рыбкой:

– Фоткались, утром, сказали, зароят.

– Ты плакал?

– Че еще. Папка новую мамку сыщет.

– Во дурак!

Ленька жил в поселке балластного карьера города Троицка. Жителей – раз-два и обчелся. Девять серых домов вмещали в себя человек пятьдесят. Взрослые работали в карьере, а пацаны болтались без дела, часто бедокурили. Вот и наемни чуть не сжили со света бабку Кузничиху.

Вечером у Кольки Филатова стащили тыкву, убрали внутренности. Кто-то из цыганят – а они были намного взрослее – принес свечу. За полночь подползли к дому Кузничихи. Тыква в темноте выглядела зловеще: два огромных глаза, дырка из-под носа и щербатый рот должны были сделать свое черное дело. Зажгли свечу, сунули в импровизированную голову и поднесли к окну. Ленька постучал в спальню Кузничихи. Она раздвинула шторы, увидела страшилище, заорала благим матом и грохнулась в обморок.

Ленька утром получил от отца полноценную порцию ремня.

Кольку Филатова и двух его старших братьев Федьку и Витьку отец отстегал кнутом.

Отпевали Зинаиду в единственной церкви города. Священник, окончив службу, произнес:

– Святая Зинаида была, я это нутром почувствовал.

Он подошел к Леньке, погладил его по стриженной голове.

– Не потеряйся в этой жизни, сынок.

Первые комья глины упали на крышку гроба. Рядом закаркали вороны, взвыли бабы. Ленька словно очнулся от сна, дико посмотрел на происходящее: мамки рядом не было. Молния полоснула по сердцу: мамка там, в яме.

Мальчонка взревел, вырвал ручонку из ладони отца:

– Ма-а-ма...

И прыгнул в могилу.

Очнулся дома, тело горело, нещадно бил озноб, во рту сухо.

Бабка Арина вытерла сухие губы, Ленька снова потерял сознание, а может, и заснул.

Эти кошмары он запомнил навсегда.

Ленька летит в могилу, срывает кожу на коленях, сознание гаснет и чей-то голос отдается в мозгах:

– Зачем мамку обижал, сколько горя ей принес. Бог тебя накажет. Всю жизнь будешь мучиться. Помни это.

Глава 2

После поминок близкие родственники собрались в доме деда Александра. Сухонький шестидесятилетний старик – непререкаемый авторитет. Три расстрела избежал Александр Кириллович. В молодости он жил в селе Михайловка, что в Казахстане, на границе Троицкого района.

В годы Гражданской войны село захватили белогвардейцы. Они собрали в кучу всех молодых парней. Началась фильтрация. Троих, в том числе Александра, отделили от односельчан. Эти ребята входили в комитет бедноты, сочувствовали красным. Вердикт белых был суровым:

– Расстрелять!

На рассвете ребят вывели из сарая.

«Все, конец», – подумал Александр. Мысленно попрощался с женой Ариной и полугодовой дочкой Нюрой.

Он взглянул на синее небо, представил, как душа уплывает ввысь.

Но казни не последовало. Усатый штабс-капитан коротко бросил:

– Всех в строй. Нам каждый штык дорог.

Через месяц после длительного похода Александр с другом Сережкой сбежали. Домой пробирались по ночам, питались подаяниями сердобольных казахов. Жена, увидев грязного, обросшего мужа перекрестилась:

– Свят, свят, убери этого дьявола.

«Дьявол» обнял Арину:

– Дурочка, это я, муж твой.

Через неделю в Михайловку пришли красные. Сашку переодели в форму, дали винтовку и погнали на войну. Правда, перед этим его допрашивал строгий комиссар. Сначала его побили, постращали расстрелом, но простили.

Во время очередного боя Сашка в прицел винтовки увидел того штабс-капитана, офицера, что спас его от расстрела. Александр нажал на спусковой крючок, перед этим чуть дернул стволом. Пуля угодила врагу в плечо...

После сражения Сашку мутило, в голове роились тысячи мыслей. Он не понимал происходящего. Парнишка от сохи, с трехклассным образованием варился в чудовищном кровавом котле. Ночью он ушел в родную Михайловку.

Жизнь потихоньку налаживалась. Александр работал в колхозе, воспитывал троих детей: Нюру, Тоню и Зину. На трудодни получали зерно, зерно меняли в Троицке на мануфактуру, сахар, соль. Ужасы войны остались где-то далеко. Не гадал, не думал молодой мужчина, что это годы затишья перед бурей. Отголоски Гражданской войны еще больно ударят по семье Дикопольцевых.

...Ночью за ним пришли. На полуторке группу мужчин повезли в Троицк. Всех их когда-то мобилизовывали в белую гвардию.

В тюрьме разъединили. Александр попал в камеру со стариком-уголовником. Услышав рассказ о мытарствах последних лет, уголовник вынес вердикт:

– Могут к стенке поставить, паря.

Дни тянулись невыносимо долго. Кормили плохо, спали на рваных матрасах. В туалет водили раз в сутки. По ночам слышались крики допрашиваемых. Иногда раздавались одиночные выстрелы. После этого уголовник крестился:

– Отдал человек Богу душу. Девять граммов свинца получил.

Рано утром Александра разбудили. Повели к начальнику тюрьмы. На допросе молодой мужчина правдиво отвечал на вопросы, поведал о своей жизни. Через несколько часов в кабинет вошел красноармеец:

– Отведи-ка его ко мне домой, – приказал начальник, – супруга распорядится.

Начальник тюрьмы жил в небольшом доме возле железнодорожной станции. Его жена, моложавая женщина с усталыми глазами, жалостливо посмотрела на арестанта, накормила горячим супом, не пожалела молока и хлеба. Затем дала в руки топор, велела рубить дрова. Не отдыхая, Александр махал топором, складывал дрова под навес. Вечером его накормили, отвели обратно в тюрьму.

Целый месяц Александр работал у начальника: ремонтировал сараюшки, менял венцы в бане, таскал рассыпанный на железной дороге уголь.

Тот момент Александр не забудет никогда. Его снова вызвал начальник тюрьмы. В руках держал кипу бумаг.

– Саша, – обратился он, – основной компромат на тебя я уничтожил, но ты уже на крючке. Я от тебя отвел расстрел. Но мой совет: мчись домой, забирай семью, односельчанам скажете, что уехали на юг Казахстана, а сами возвращайтесь сюда. Запомни адрес железнодорожного начальника. Я с ним договорился, тебе дадут работу и жилье.

На прощание произнес:

– Хороший ты мужик, неспорченный, настоящий.

Подумав, добавил:

– Ко мне никогда не обращайся. Забудь все...

Зину похоронили. Двое маленьких детей оставались на руках Григория. Он пребывал в отчаянии. И Александр Кириллович вынес вердикт:

– За Любонькой будет следить Катя, корова у нас есть, молока на всех хватит. Ты, Гриша, работай, Леньку мы тоже не оставим. А дальше что-нибудь придумаем.

Дом деда Александра стоял у самой железной дороги, где он трудился обходчиком. Ленька жил недалеко, в поселке. Днем он с пацанами носился по округе, вечером уходил к деду: бабка Арина больно вкусно готовила.

Глава 3

К осени жизнь Леньки, да и всей родни, резко изменилась. Отец привел в дом жену – Таню Афанасьеву. Она из многодетной семьи, ее мать в одиночку воспитывала шестерых детей. В годы войны Афанасьевы сильно голодали: ели брюкву, редко – картошку, варили затируху из чего придется. Может, и поумирали бы в лихолетье малые дети, да Таня устроилась работать на мясокомбинат. Сама-то сытая была, а домой даже обрезков не могла принести. На вахте стояли серьезные охранники, поймают – до десяти лет тюрьмы можно схлопотать.

Но, как говорят, голь на выдумки хитра. Опытные работницы научили искусству воровства. Граммов по 100–200 колбасы Таня умудрялась приносить домой.

После войны ее поймали на воровстве. На счастье девушки, законы были ослаблены, вкатили Татьяне Афанасьевой два года условно и, к радости родных, оставили на работе.

С Зиной и Григорием она была знакома. Искренне переживала смерть молодой женщины. Как-то возвращалась с работы; дорога проходила через поселок балластного карьера, она заглянула к Григорию. Тот неумело прибирался в доме. Татьяна взяла тряпку, поменяла в ведре воду, выскребла все половицы, вдобавок сварила ужин.

Назавтра все повторилось. Жалость к Григорию, его детям захлестнула сердце Татьяны.

К удивлению окружающих, через полгода после смерти Зины Татьяна перешла жить в дом Григория. Люди одобряли ее поступок, даже дед Александр сказал:

– У тебя доброе сердце, дочка, спасибо от имени сирот.

Ленька со страхом наблюдал за происходящим. Два дня он бычился, избегал мачеху. Вечером за ужином Татьяна спросила мальчишку:

– Мы будем друзьями?

– Нет, – ответил Ленька.

Взрослые остолбенели. Ленька же добавил:

– Мы будем сыном и мамой.

Татьяна заплакала от радости.

Новая мамка разбудила сына рано, дала денег, велела купить хлеба и сахар:

– Сегодня соседи придут помогать строить из самана землянку.

Из Краснодарского края с семьей из шести человек приехал отец Григория Владимир. У него – ни кола, ни двора. Всю жизнь шабашничал, строгал детей. Ко всему – любил выпить. Под старость лет решил угомониться и детей пристроить к делу. А те все школьного возраста: Николай пойдет в восьмой класс, Сашка – в пятый, Валя – в четвертый, а Танька – в первый.

У Владимира была вторая жена, звали ее Матреной. Первая умерла, когда родила Сашку. Нынешняя – на двадцать лет младше мужа. Хитроватая, работающая, на ней держалась вся семья.

Почти неделю люди готовили саман, сушили, из старых брикетов возводили стены. Укладывали нестроганный пол, а крышу сверху обмазывали глиной, поверх набрасывали землю.

Наконец землянка была готова. Брага лилась рекой, закуски – много. Люди разговорились:

– Спасибо Сталину, его помощникам. Цены на все снижают, зарплату стали давать, меньше в тюрьмы сажают.

Ленька слушал, затаив дыхание. Его поражала логика дяди Пети Филатова, отца его друзей. Он, как и Григорий, – фронтовик, орденосец, но был контужен, а оттого и нервный. Кнут в его руках был орудием воспитания. Сегодня же разоткровенничался:

– Хренота все это, други. Я всю Европу прошел, два года наблюдал за их жизнью. Война их тоже изнахратила, но живут европейцы намного лучше. И правители народ не губят. А у нас за малейшую провинность – к стенке, в лучшем случае – на лесоповал.

Бабка Кузничиха перекрестилась:

– Свят, свят, Петя. Угомонись. Ненароком твои слова долетят до чужих ушей.

Многие поежились.

После очередной кружки браги над поселком полились задушевные песни.

Отец пошел получить зарплату в контору, которая находилась на станции Золотая Сопка. Добираться до конторы сложно: надо идти по песку балластного карьера, потом переходить железнодорожный мост, по которому часто ходили поезда, а дальше – топтать по путям.

Вернулся Григорий хмурый. В руках держал повестку в суд.

– Чего ты натворил, Григорий? – заволновалась жена. Она была на восьмом месяце беременности.

Григорий пожал плечами:

– Завтра все узнаю.

Вернулся с заседания суда отец расстроенным:

– Присудили алименты – моему отцу.

Татьяна ахнула:

– Вот паршивец! Хату ему поставили, продуктами помогаем, а он!..

И заплакала.

Владимир Кабанов, отец Григория, никогда официально не работал. После побега из колхоза шабашничал, до войны осел в Краснодарском крае, а, узнав, что сын хорошо устроился на Урале, с семьей приехал к нему.

Вечером заявился Александр Кириллович. Он ласково поглядел на округлившийся живот Татьяны.

– Танюшка, – так он ее называл, – ты не отчаивайся, скоро богатыря родишь, а пока Катерина поживет у вас. Пусть Гриша спокойно работает, а мы, чем можем, поможем.

И снова жизнь равномерно, спокойно потекла в своем русле. Татьяна родила сына, назвали Юрой. Из армии, весь в орденах, вернулся Федор – младший сын деда Александра. Он воевал в Маньчжурии, командовал взводом артиллеристов. Рассказы дяди завораживали. Ленька ни на минуту не отходил от него. В первый вечер, когда начали отходить ко сну, Ленька твердо сказал:

– Буду спать с Федей.

И прыгнул к нему в кровать. Жена Феде Катя испуганно смотрела на это и, подумав, нашла выход: надела на грудь Леньки китайские ордена. Пацан от радости едва не задохнулся. Эту ночь он спал с дедом на печи.

Глава 4

Дед Кабанов неплохо устроился на новом месте. Приглядел клочок плодородной земли, дядя Петя Филатов вспахал, разрыхлил землю. За аренду коня заплатит «местной валютой» – самогоном. К осени собрал урожай семечек, подсолнечники на Южном Урале выросли отменными.

Мальчишки с завистью смотрели на мешочки с жареными семечками. Голова у Владимира Кабанова работала, как у настоящего коммерсанта. Сначала он решил обработать Леньку:

– Внучок, принеси рубль, насыплю стаканчик.

Ленька развел руками:

– У меня нет денег.

– Поищи дома.

Пацан изнывал от желания пощелкать вкуснятины. Он помнил, что отец хранил получку в пиджаке за занавеской. Мальчишка, сгорая от стыда, достал пачку рублевых, вытащил одну и пулей помчался к деду Владимиру.

Дед погладил большую блестящую лысину:

– Молодец!

И не мешкая, купил самогону.

У деда была коза Люська. Он научил ее пить водку и курить. Вот и сегодня собрал вокруг себя ребятшек, влил козе немного самогона, сунул в рот горящую самокрутку. Люська зажмурилась от удовольствия, вдохнула в себя дым. Хмель ударил в голову, и она, взбрыкнув копытами, бросилась на пацанов.

Визг, смех, неподдельная радость неслись над поселком. Дед Владимир истерично хохотал. В это время проходил другой дед Александр. Он осуждающе покачал головой:

– Пойдем-ка, Леня, к нам. Разговор есть.

Дома у Дикопольцевых собралась вся семья. Баба Ирина наварила шей, потушила картошку с крольчатинной. Федя достал пачку газет. Катя, его жена, учила сестру Леньки Любу ходить. Та делала успехи, шатаясь, проходила от стола до кровати.

Когда поужинали, Федя сказал:

– Леня, тебе скоро в школу. Будем изучать буквы, а потом начнем читать.

Дядя Федя в глазах Леньки был героем, и мальчик с радостью окунулся в сложную для него науку грамматику.

Через месяц свободно читал газеты. Видя это, Татьяна, мачеха, подсунула ему книгу Жюль Верна. Приключения захватили Леньку. Он забросил друзей, перестал хулиганить. В мыслях ходил по морям и океанам, как герои книг.

Однажды все-таки сорвался. Два железнодорожных моста охранял и ухаживал за путями дед Егоров. Семидесятилетний старик нещадно гонял пацанов, которые с «быков» прыгали в реку, лазили по балкам, обидно строили Егорову рожицы.

В тот сентябрьский день сторож после очередного озорства поймал Федьку Филатова. Деловито снял штаны с него и на виду детворы отшлепал по попе. Этого шпана простить не могла.

Под покровом ночи группа мальчишек и девчонок собралась на берегу реки у моста. На склоне рос картофель деда Егорова.

Ленька шепотом командовал:

– Крупную картошку кидайте в речку, маленькую – не трогайте, у старика есть поросята, еще подохнут без еды...

Монотонно зашуршала вырываемая ботва. Следом раздавались тихие всплески на реке. Вскоре все стихло. Участок стоял голый.

На следующий день Ленька получил от отца порцию ремня, а ребяташки Филатова – кнута.

Родители сбросились по десять рублей и отдали деньги несчастному старику.

В выходной день директор школы № 45, где учились наши герои, принимал группу фронтовиков-родителей. Уселись на крылечке, где дул теплый ветер, рядом пели птицы, за забором тявкали одинокий пес. Разговор начал Григорий:

– Владимир Петрович, мы пришли за помощью. У нас в поселке балластного карьера двенадцать ребяташек, здесь, на Золотой Сопке, не меньше пятидесяти. Хулиганят больно, и вы это отлично знаете. Надо что-то делать.

Многочасовая беседа принесла положительные результаты: мужики своими силами построят крольчатник голов на двести, а директор школы выбьет в гороно ставку пионервожатого. Он будет заниматься ребятней. Уход за животными ляжет на физрука Геннадия Алексеевича и некоторых мужчин-учителей. Их, к слову, было всего двое. Ведь война многих мужчин выкосила.

Глава 5

Крольчатник строили на уроках труда старшеклассники. Командовал и был главным плотником Иван Дикопольцев, дальний родственник Леньки. На Ивана нельзя было смотреть без содрогания: лицо изуродовано страшными шрамами, глаз не видно, тяжелые красные рубцы исполосовали все щеки и подбородок.

Иван женился на красавице Вере во время войны. Оба статные, красивые. Люди им завидовали и восхищались. Лучшей любящей пары в округе не сыскать.

В июне 1943 года Иван – он был помощником машиниста паровоза – доставлял из Челябинска на фронт танки. По дороге у них взорвался котел. Через шесть месяцев из госпиталя вышел урод. Окружающие на него смотрели и многие из жалости плакали.

Жена Вера терпела до конца войны, а потом не выдержала и загуляла с фронтовиками, которые возвращались домой.

Муж поколачивал жену, умолял, чтоб не уходила, перестала изменять. Все было бесполезно. Вера, плача, говорила бабам:

– Не могу я. Посмотрю на чудище и тошнит. А я молодая и хочу любви.

Шли годы. Обстановка не менялась. Вера стала еще краше, она полностью отделилась от мужа, хотя жили в одном доме. Иван свое горе топил в вине и работе.

Когда ему предложили возглавить работу на крольчатнике, мужчина согласился с большой радостью: у него была дочь, ученица этой же школы. Да и детей он искренне любил.

Работы шли споро. Ленька помогал своему родственнику послевоенные мальчишки умели делать все. И Ленька строгал доски, прибывал сетку, неуклюже мастерил кормушки. Крольчих и двух самцов купили на рынке в Троицке. Выбирали мясную породу: она была адаптирована к местному климату.

Весной появились первые крольчата. Радость у школьников зашкаливала. Ленька с друзьями на время перестали хулиганить, все свободные часы ухаживали за своими питомцами. Лидия Александровна, биолог, научила детей грамотно вести хозяйство. Главное в этом деле – чистота клеток и животных. Поэтому в хозяйстве никогда не было падежа.

От продажи кроликов и крольчатины руководство школы прикупило спортивный инвентарь. В буфете появились бесплатные булочки и чай.

Беда пришла неожиданно: повесился дядя Ваня Дикопольцев – не выдержал измены жены, не вынесло сердце жалостливых взглядов окружающих.

Хоронили дядю Ваню сотни односельчан. За гробом на самодельных колясках катились безногие фронтовики. Они плакали и пили горькую. Их жизнь была не лучше дяди-Ваниной, а может, еще горше.

Школьники печальную весть восприняли очень тяжело. Девчонки рыдали, мальчишки шептались: строили свой план, о котором никому ничего не говорили. На девятые сутки, когда взрослые поминали Ивана, у крольчатника появился щит с надписью: «Хозяйство имени Ивана Дикопольцева».

Родители не посмели убрать своеобразный памятник. Директор школы лишь произнес:

– Взрослеют наши дети.

Глава 6

Жизнь текла равномерно. Ленька учился в школе, сестра Люба подрастала, а братик Юра произносил первые слова.

Отец рано приучил Леньку к труду. Часто брал с собой в карьер, где работал машинистом экскаватора. Сын чистил длинный ковш, помогал солидолить узлы и агрегаты. Иногда, если не было вагонов на погрузку, садился за рычаги и крутил башню вокруг. Зрелище незабываемое... Многотонная махина слушается маленького мальчонку. Это переполняло душу гордостью. Хрупкий человек творит чудеса.

Но чудеса были и иного характера. Одно из них едва не закончилось трагедией. С Ленькой на работу увязался Федька Филатов. Пока они грелись на солнышке, подали состав из платформ. Взрослые курили, а пацаны пошли вдоль вагонов. И здесь Федьку озарило:

– Платформы-то соединяются шлангами, внутри них – резинки.

Друзья взялись за работу. Вскоре кругленькие прокладки-резинки оказались в карманах мальчишек. Что с ними делать – они не знали. Дома их просто выкинули в озеро.

Гром грянул вечером. Отец пришел мрачнее тучи:

– Вы настоящие диверсанты. Состав из-за вас простоял целый день. Мы не загрузили ни одной платформы.

И грустно добавил:

– Нас, наверное, с дядей Федей Филатовым посадят в тюрьму.

После этих слов Ленька испуганно захлюпал носом, мачеха завывала в голос:

– Пропадем мы без тебя, Гриша!

К удивлению, за это Леньку не пороли. Но он вдруг почувствовал: жизнь заключается не только в учебе да беготне по улицам, есть еще более значимое – ответственность за свои поступки.

Дед Александр, когда Ленька пришел к нему, долго беседовал на тему законопослушания. И красочно рассказал о жизни в тюрьме. Ленька от страха долго трясся. «Если меня посадят, – думал он, – то я умру там от холода, побоев, голода».

Черных тонов добавил и отец. Он впервые поведал о своей жизни.

– Война застала меня в городе Прохладный, что в Краснодарском крае. Отец наш калымил, мы, старшие, ему помогали. Жили сносно. Правда, учились мало – закончили только по семь классов. Ртов в семье полно, всех кормить и одевать надо.

В 1942 году, как только исполнилось 17 лет, меня сразу взяли в армию. В ту годину советские войска отступали, немцы шли по пятам.

Я неплохо стрелял, поэтому доверили снайперскую винтовку. В одном из боев уничтожил восемь фрицев. И был награжден медалью «За боевые заслуги».

Это, сынок, лирика, – продолжил отец, – страшное ждало впереди. Я был ранен, лежал в госпитале, видишь, и сейчас прихрамываю – в ногу осколки от снаряда остались. После выписки – снова фронт.

Под осень фашисты окружили полк. Отбивались до последнего патрона, командование пыталось вывести в тыл. Еда закончилась, полевые кухни побросали. Пить хотелось невероятно. Часть бойцов падала, их пытались нести, но и носильщики, не выдержав, тоже падали и не могли подняться с земли. Степь стонала от ужаса. И тут поступил приказ:

– Всем съесть по куску селедки.

Жаждающие воды солдаты возмутились:

– Нас хотят до конца убить. Не будем жрать эту солонину.

Армия есть армия. Приказу подчинились. Съели дурно пахнущую соленую рыбу. И... вскоре чувство жажды прошло.

Беда не приходит одна. Полк окружили танки врага.

– Все, конец! – роптали люди.

Из громкоговорителей несло:

– Солдаты! Сдавайтесь в плен. Вас будут хорошо кормить. В противном случае погибнете. Евреи, лейтенанты и капитаны должны построиться отдельно.

Командир полка провел короткое совещание. Он приказал офицерам переодеться в солдатскую форму и всем уйти к немцам. Так оставался маленький шанс на спасение.

Мучительно, со стонами и матами остатки полка пошли в сторону немцев.

Командир полка застрелился...

Накормили пленных похлебкой, заправленной брюквой и нечищеным картофелем.

Утром построили на краю деревни.

– Евреи и командиры, выходите из строя! – последовало.

Никто не шевельнулся.

– И здесь, сынок, случилось страшное – приказали выйти из строя каждого пятнадцатого.

Бедолаг отвели в сторону и расстреляли.

– Повторяю, – рявкнул переводчик, – командиры и евреи, ко мне!

Молодые пацаны, вчерашние школьники-лейтенанты, повиновались. Их, как и евреев, тоже расстреляли.

Остальных загнали в эшелоны и повезли на запад. По дороге нас начали продавать. Я не стану, сынок, называть название северной страны, но она, то есть ее люди, меня спасли. Да, я был рабом, но особым. Слушай, расскажу все по порядку. На какой-то станции меня за пять мешков хлеба и мешок сахара купил старик. Сухощавый, лет шестидесяти, он с трудом говорил по-русски:

– Не вздумай бежать. Поймают – повесят.

И повел меня на усадьбу. Дом у деда двухэтажный, крепкий, сарай вмещал почти три десятка коров, несметное число хрюшек голосили на всю округу. Вдобавок гектаров пятьдесят земли числилось за помещиком.

Нас трудилось семь или восемь человек. Русский был я один. Вне воли, к удивлению, кормили прилично.

Хозяин всегда повторял:

– Только не убегайте.

Один поляк ослушался. Через пару дней его поймали и повесили на городской площади.

Я втянулся в непривычную жизнь. Адский труд к вечеру выматывал до конца. Падал на подстилку и мгновенно засыпал.

Как-то я убирал навоз. Неожиданно раздался шорох, и из кустов вышел человек. Одет прилично, чисто выбрит. Обратился по-русски:

– Гриша!

Я от удивления открыл рот. Откуда он знал мое имя?

Незнакомец продолжал:

– На окраине городка расположен концлагерь. Есть там и русские. Ты должен помочь.

– Как?

– Припрячь немного еды, пойдешь на работу – оставь вон под той плитой у дерева.

– А если ты провокатор? – у меня сжалось сердце.

– Поверь, Григорий, на слово. Люди там живут... хуже не придумаешь.

Почти три месяца я подворовывал хлеб, сало, вареную картошку. Все это мгновенно исчезало.

Война близилась к концу. Однажды старик позвал меня к себе. В маленьком кабинете усадил на кожаный диван, налил кружку пива. Я отказался. Спиртное не употреблял. Во время боев отдавал свои сто граммов другим бойцам. Кстати, это спасало меня от гибели. Во время атак мозг работал четко, непродуманных пьяных действий не совершал.

Старик достал пачку фотографий. На некоторых был изображен – веришь, сын, – я. Старик горько произнес:

– Это не ты. Это мой сын. Вы же похожи как две капли воды. Сынок у меня погиб. Детей больше нет. Наследников – тоже. Я предлагаю остаться у меня, выправим документы, станешь наследником.

Я русский человек до мозга костей, сынок. Поэтому категорически отказался.

Старик заплакал:

– Я это предчувствовал. Что ж, скоро поедешь на Родину.

Фильтрационная комиссия была строгой. Чекисты допрашивали «с пристрастием». Выявляли из пленных тех, кто работал на врага.

Когда я вошел в кабинет, увидел человека, который просил помочь пленным продовольствием.

Он что-то сказал чекистам. И мне коротко вынесли вердикт:

– Кабанов, возвращайся в строй. Поедешь воевать с японцами.

Мне выдали форму, документы. Посадили с другими солдатами в теплушки, и мы отправились на родину. Душа ликовала. Конец унижениям, тревогам. Впереди – свобода. Даже не думалось, что на Японской войне могу погибнуть.

Но, видимо, Бог есть. Доехали до Челябинска. Всех построили на перроне. Командир произнес короткую речь:

– Товарищи! Война с Японией молниеносно закончилась. Мы разгромили милитаристов. Есть предложение такого характера: родине нужны ваши руки. У марتنенов, на заводах, стройках. Кто желает демобилизоваться, шаг вперед. Сотни людей вышли из строя.

И я оказался в Троицке. На постой определили к Дикопольцевым, где познакомился с Зиной, твоей мамой...

Сынок, впереди у тебя большая жизнь. Все может произойти, но, умоляю, думай, прежде чем что-то сделать. Наш человеческий век короток. Не лезь в неволю – там очень плохо.

Глава 7

Ленька сидел на печке и слушал пение мачехи. Голос у нее приятный, грудной. Она любила песни Гражданской войны, иногда затягивала про любовь. При этом глаза наполнялись слезами. Ленька робко спрашивал:

– Ты чего, мам?

Она в ответ, вытирая мокроту со щек, отвечала:

– Душа моя такая, не хватает раздолья.

И спохватывалась:

– Негоже было открываться малышу. Недогуляла девка, недолюбила своего Николашу. Бросила его, ушла к сиротам.

Отогнала нехорошие мысли:

– Чего это я? Хоть и трудно, я же счастлива. Муж любит, дети не докучают, даже старики Дикопольцевы с уважением относятся.

Таня – правда, все почему-то звали ее Тоня – закончила песню, затопила печь. Ленька присматривал за маленьким Юркой, от скуки гонял сестру Любу, одновременно умудрялся стащить кусок сахара и с наслаждением читать любимые книги.

За ужином отец собрал всех за столом:

– Скоро карьер закроют, в бору начали строительство ГРЭС. Наш поселок затопит, начнем возводить дом на Золотой Сопке, там и школа есть, и магазин, и клуб.

Ленька заорал от радости:

– Не надо будет добираться до школы, до любимого крольчатника целых два километра!

Вскоре тихая жизнь Кабановых закончилась. Из армии вернулся брат Григория Николай с женой Верой. Отец поселил их в теплых сенях. В землянке у старика Кабанова места не хватало.

Вскоре спокойная жизнь закончилась. Николай приплелся домой пьяный. С ходу распинал по сторонам ведра, кастрюли и заснул у порога. А ночью Ленька услышал стоны и сдавленные крики Веры. Потом она захрипела. Ленька представил, как дядя Коля душит жену. Он закутался в одеяло, заткнул уши. Но стоны не прекращались. Ленька взвизгнул от испуга, схватил ковш и выбежал в сени. Дядя Коля сидел верхом на жене, матерился и бил ее по животу, лицу, груди. Ленька что было сил опустил ковш на голову дядьке. И увидел, как по виску потекла кровь. Мальчонка истерично закричал. На шум прибежал отец. Он отбросил в сторону брата, прижал к себе трясущегося сына и выдавил:

– Чтoб духу, Коля, твоего утром не было!

Николай съехал в строящийся ГРЭС. Вера от него сбежала. И снова потекла ровная жизнь. Ленька учился на «хорошо» и «отлично», особенно был дока в русском языке и литературе.

Отец начал строительство дома на Золотой Сопке. Там же достраивал дом дед Александр с Федей.

Как-то теплым вечером Ленька забрался на сеновал, взял с собой учебники и начал делать уроки.

Внизу послышался мужской голос:

– Тоня, бросай все. Уедем отсюда.

Это был Николай Тивиков. До замужества Таня дружила с ним. Бабы толковали о них много. Пара на зависть всем. Николай статный, высокий, не курил и не пил. Девки на него заглядывались, но он выбрал пухленькую веснушчатую Тоню. Дело уже шло к свадьбе, но девушка вдруг все оборвала и стала женой вдовца.

Ленька затаил дыхание. Мачеха тихо, но твердо произнесла:

– Уходи, Коля. Разбитое блюдце не склеишь. К твоему сведению, у меня родился сын, а сирот я не брошу. Прощай.

Мужчина с надрывом вздохнул:

– Прощай, прощай...

Голоса стихли. Ленька выглянул в окно. Мать села у летней печи, долго смотрела в землю. Потом запела жалостливую песню.

Отца, как и прежде, встретила ласково, накормила ужином и пошла доить корову.

Перед глазами Леньки намертво стояла сцена встречи бывших влюбленных и их разговор. Ему очень хотелось обо всем поведать отцу, но эту мысль он отогнал: его отец учил никогда не быть ябедой. Начнешь с малого, кончишь громадной пакостью. Григорий приводил примеры со времен войны: отдельные солдаты писали доносы на своих командиров. И те исчезали навсегда. Особые отделы в армии работали четко.

Утром, как всегда, группа ребятишек двинулась в школу. В карьере у них было укромное место. Там младшая сестра отца Танька достала махорку, скрутила самокрутку. Все по очереди затянулись. Леньке дым очень нравился. Он вне очереди курнул и сказал Таньке:

– Завтра у деда Александра стырю махорку, отдам тебе. Дома держать опасно. Мачеха уже догадывается, что покуриваю. Хорошо, отцу не доносит.

Тетка, которая была старше Леньки на пять лет, подытожила:

– Тащи, а потом Коля Филатов пусть напряжется.

Конец этой истории был закономерным. Отец учуял сигаретный дым. Допрашивал с пристрастием: у Леньки ухо горело дня два. Но он молчал, как партизан, никого не выдал. Отец стал вытаскивать ремень. Ленька завизжал от страха. Мать кинулась к Григорию, заслонив сына:

– Не трогай его. Словами воспитывай.

Отец остыл, вышел на улицу. Ленька прижался к матери и заплакал от благодарности. Она долго гладила его по голове.

Курить Ленька не бросил, впрочем, как и все карьерские дети.

Глава 8

Семейство Кабановых переехало на Золотую Сопку. Отец устроился работать на гидростанцию, поступил в вечерний техникум. Мать ухаживала за скотиной, ей помогала сестра Леньки дошкольница Люба.

Дед Александр жил неподалеку. У них дом тоже полон скота. Корову, бычков и пару свиней кормили баба Ирина с Катей. Федя работал на железной дороге. Ко всему, они с дедом были заядлыми охотниками. За дичью ездили в соседний Казахстан, там на озерах обитали полчища диких уток. Трофеи везли мешками.

Федя на общем собрании охотников был избран председателем Общества охотников и рыболовов района. После охоты в доме Дикопольцевых собирались заядлые охотники – и города, и района.

В очередную субботу в доме набилось более десятка важных персон. Председатель горисполкома Сергей Иванович восседал во главе стола. Все выпили по паре стопок водки, закусили утятинной, соленьями. Язык у людей развязался, заговорили о делах. Сергей Иванович обратился к своему заму Грушеву:

– Ты, Виктор Петрович, поднапрягись. У нас в городе шесть крупных заводов. От заказов мы задыхаемся. Особенно туго на дизельном. Ленинградцы забросали телеграммами, им не хватает двигателей на военные корабли. Людей же у нас раз два и обчелся. Я распорядился даже мелких хулиганов, которым дали по 15 суток, отправлять работать на предприятия.

Виктор Петрович по-военному отрапортовал:

– Едем в Кустанай, по районам области. Думаю, человек 200 завербуем.

– Добро. Общежитиями обеспечим всех. И последнее: на неделе, в среду, спецпоездом проедет Никита Сергеевич Хрущев. Он направляется инспектировать целину. Федор Александрович, наведите порядок на станции. Хрущев сделает остановку, будут менять тепловоз.

Ленька, слушая беседу взрослых, спросил деда:

– А кто это – Хрущев?

Дед потрепал внучка по затылку:

– Никита Сергеевич – глава нашего государства.

В среду Ленька с новыми друзьями Васькой Рукавишниковым и Володькой Бредихиным устроились возле школы на пригорке. Внизу проходила железная дорога. Ждали часа три. Наконец показался состав из пяти вагонов. Лязгнули буфера, и поезд остановился.

Из вагонов посыпались военные. Плотным кольцом они окружили состав. Один из них матом закричал на пацанов:

– Бегом домой. Поймаем – шкуры спустим.

Наши герои собрались улепетьвать, но их остановил другой голос:

– Ребятишки, подойдите ко мне.

Ленька увидел полного лысого дядьку. Они сквозь строй солдат приблизились к толстяку.

– Давайте знакомиться. Меня зовут Никита Сергеевич, можно просто дядя Никита.

Ребятишки назвали свои имена.

Хрущев расспросил их о жизни, неожиданно поведал и о своей. От страха половину рассказа ребята не запомнили. Они не знали, что такое партийная работа, ударные пятилетки. А вот о целине они слышаны. Казахские степи – в десятке километров. Их распаивали под хлеба.

И Никита Сергеевич как взрослым сказал:

– Ребята, Коммунистическая партия не хочет, чтобы наш народ голодал, братские страны жили бедно. Поэтому мы решили увеличить хлебный каравай. Вы это понимаете?

Ленька, сглотнув слюну, пролопотал:

– Мы тоже делом занимаемся, кроликов разводим.

Хрущев по-доброму рассмеялся:

– Вижу, хорошая смена растет. Не пропадет страна.

Каждый из рук Никиты Сергеевича получил по коробке конфет.

На завтра вся Золотая Сопка гудела: трое сопляков удостоились чести беседовать с самим Хрущевым.

Ленькин отец дал всем по конфетке, остальные спрятал до лучших времен. А пустая коробка хранилась в доме Кабановых много лет.

Глава 9

В семействе мачехи Леньки после войны назревал тихий бунт. Хозяйка, мать троих ребятшек, с детства работала как вол. Отец погиб на войне, Тося была старшей. И доставалось ей больше всех. С утра таскала воду, готовила скудные завтраки, стирала, гладила, мыла полы. От матери – а она была ей мачехой – перепало больше тумачков, чем другим детям. Матрена, мачеха, стегала ремнем или мокрым бельем очень больно. Но Тося терпела.

В своей семье Тоня также пыталась навести порядок. Ленька качал из колодца воду в бочке для полива, вывозил за околицу лишний навоз.

У Любы другие обязанности. Она помогала мачехе по дому. Доставалось ребенку крепко. К вечеру уставала так, что с ребяташками не ходила играть: засыпала мгновенно.

Сердобольные соседки, особенно бабка Печеных, подначивали:

– Сиротинушка, некому тебя пожалеть.

Люба прибежала к деду Александру и плакала:

– Заберите меня к себе.

Сердце старика разрывалось от горя. И внучку жалко, и Тоню он уважал. Конечно, она перегибала палку, заставляя девочку много трудиться, но все ребяташки помогали родителям. И никто не роптал, папы и мамы у них были родные.

Федя и Катя не могли родить ребенка. Они от этого очень страдали. Леньку, а особенно его сестренку, любили всем сердцем. И однажды пришли к Григорию:

– У нас к тебе необычная просьба. Разреши нам удочерить Любу.

Григорий побледнел:

– Федя, мы с тобой родня. Но до определенных пределов. Люба – моя дочь. И никому ее не отдам. Разве что разрешу детям побольше находиться у вас, почаще ночевать.

На этом разговор окончился. Теперь дети выходные дни проводили у деда. Нагрузки у Любы стало меньше, но неприязнь к мачехе осталась. А Ленька, наоборот, к Тоне относился по-сыновьи. Он видел, как ей тяжело: трое детей, большое хозяйство. Давила на молодую женщину и зависть отдельных соседей. Ведь Григорий считался богатым человеком – он хорошо зарабатывал, держал хозяйство, денег на родных не жалел.

Ленька старался помогать без причитаний и обид. Правда, хулиганил, как и прежде. В соседях жили дядя Гриша Рукавишников с женой и шестью детьми. Средний, Васька, – друг Леньки, они учились в одном классе. Потихоньку курили, подворовывали самогон, пробовали эту гадость – она им нравилась.

Дядя Гриша содержал коня. Он на нем пахал огорода, возил сено, ездил с женой Марусей в гости. И на этот раз они собрались к родственникам в село Бугристое. Едва родители уехали, Васькины друзья собрались в доме. Старший сын Витька приступил к поискам самогонки. Тетя Маруся знала о проказах мальчишек, зелье прятала по-партизански.

Искали долго: переворошили сено, облазили подполье – самогона нигде не было.

И Леньку осенило:

– Дайте-ка сюда вилы.

Друзья направились в огород. Тыкали вилами там, где была рыхлая земля. И нашли две трехлитровые банки. Из каждой отлили больше половины, а в банки добавили воды. Ватага подростков направилась к реке. К вечеру наловили рыбы, сварганили уху. Самогонка закончилась быстро.

Чтобы родители ничего не заметили, до утра удили рыбу, дремали, покуривали.

И наступила неминуемая расплата. В доме дяди Гриши собралась родня. Зал едва вместил человек двадцать. Васька и Ленька находились в компании взрослых. Друзья понимали, что суд неминуем, они переместились ближе к открытому окну. Дядя Гриша разлил самогон в

граненые стаканы и произнес тост. Гости начали пить. Через секунду изумленно начали переглядываться. Им подали воду с запахом самогона. Ропот за стол поднялся нешуточный. Кто-то из гостей смачно заматерился:

– Ты что, хозяин, спятил? Зачем нас унижаешь?

Дядя Гриша все понял, он с яростью посмотрел в сторону друзей. Ленька и Васька по очереди вылетели в окно. Но стакан дяди Гриши все-таки попал Леньке в зад.

Они отбежали в сторону, притаились за соседним домом. Гости вышли во двор, хозяин им что-то объяснял. И люди заулыбались. А тетя Маруся побежала в магазин за водкой. Веселье продолжалось до полуночи.

Ленька долго не ходил в гости к другу, боялся гнева его родителей. Однажды он все-таки столкнулся с дядей Гришей, тот проговорил:

– Что-то я тебя у нас не вижу, с Васькой, поди, поругался?

Пацан залепетал:

– Вас боюсь, простите.

– Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон.

Больше друзья самогонку не брали. И тетя Маруся перестала ее прятать.

Отец узнал о проказах сына и решил старших детей от греха подальше отправить в Михайловку – на родину Александра Кирилловича. Там жила сестра родной матери Леньки – тетя Нюра Греднева.

До Михайловки полсотни километров. Григорий на бак мотоцикла привязал подушку, на нее усадил Любу. Сын пристроился сзади, на сиденье. Дорога заняла часа два. Ехали то по степи, то по перелескам, а перед селом пересекли речку Тогузак.

Тетя Нюра наварила суп с лапшой, ради гостей забила гуся. За столом собрались Кабановы, тетя Нюра с мужем Егором, их сыновья Александр и Михаил. Саша учился в Троицке на механизатора, а Михаил работал киномехаником в колхозе. Леньку это очень обрадовало: кино будет бесплатно и притом каждый вечер.

Ужин затянулся до тех пор, пока не отключили местную электростанцию. Когда погас свет, все улеглись спать.

Отец уехал рано утром. Дядя Егор пошел к своему трактору. Ленька же побежал на речку. Вода в Тогузаке светлая, чистая. В ней обитало множество различных рыб. Это Леньку обрадовало, особенно присутствие щук.

У него созрел план. Пацан вернулся домой. За печкой висела малокалиберная винтовка. Тетя Нюра кормила гусей.

– Теть Нюр, можно я постреляю из мелкашки?

– Уйди, сынок, подальше в степь. Там и упражняйся, – разрешила тетка.

Ленька схватил оружие и помчался на реку. За поворотом вода была как слеза. Дно отчетливо просматривалась, там нехотя плавали несколько щурят. Охотник прицелился, выстрелил. Пуля прошла мимо рыбы и чуть замутила воду. Выстрел, второй, пятый – все без толку. Рыбы спокойно плавали чуть ли не у ног горе-охотника.

Поостыв, Ленька понял: когда пуля заходит в воду, она меняет направление. Сделав несложные расчеты, рыболов приспособился и к вечеру добыл несколько щук.

Уха была на славу. Все хвалили Леньку, лишь дядя Егор сказал:

– Шибко много патронов истратил.

Приезжие в Михайловке ни с кем не дружили. Местные их стеснялись: считали, что городские заносчивые. А Ленька и не расстраивался. Вместе с сестрой до тошноты смотрели бесплатные фильмы, днем катались с дядей Егором на тракторе. Ленька даже научился немного пахать землю.

Но и крестьянский труд не обходил их стороной. У Гредневых два огорода. Один у реки, другой – возле дома, метрах в ста от водоема. Ленька на тачку грузил бидоны, наливал в них

воду и привозил к дому. Работа тяжелая, изнурительная. Но ради рыбалки-охоты он не роптал. Люба же полола грядки, кормила гусей, поросят. Девчонке труд был в тягость. Нагрузка больше, чем дома. Но она старалась помогать тете Нюре – та была родной сестрой мамы Зины и очень походила на нее.

Ленька, видя это, не удержался:

– Ты, Любка, дома пашешь куда меньше. Но на мачеху держишь обиду. Нечестно поступаешь.

В ответ получил от сестры полотенцем по лицу. Объяснений он не услышал.

Происшествие, которое случилось перед отъездом, запомнилось на всю жизнь. Август, жара, на улице и дома душно. Тетя Нюра распахнула все створки окон и накрыла на стол. Едва взялись за ложки, как грянул гром, небо полыхнуло сотнями молний. Атеист дядя Егор перекрестился. И тут в соседнее окно закатились два огромных шара. Они плюхнулись посередине комнаты, ярко озарились и с треском покатались под кровать. Все замерли, как в немом кино.

– Что это, тетя? – спросила Люба.

– Ша-аровая молния, – с ужасом ответила женщина.

Оцепенение длилось долго. Затем дядя Егор встал на колени, заглянул под кровать. Развел руками:

– Исчезли ироды.

По прошествии времени Ленька понял, что все они чудом избежали смерти.

Домой уезжали попутным транспортом. Иногда через Михайловку возили скот на Троицкий мясокомбинат. За небольшую плату водители забрали с собой Леньку с сестрой. А дома их встретил отец.

Глава 10

На Золотой Сопке произошло ЧП. В драке Леньке кастетом проббили голову. Рана серьезная. Автором удара был Васька Рукавишников – не друг, а другой Васька, двойной тезка. Вечером, по окончании кинофильма, молодежь осталась на танцы. Две группировки подростков ошестинились друг против друга. В одной ватаге человек десять, в другой – Вовка Бредихин, Васька и Ленька.

Договорились драться на кулаках. Старшие ребята отложили в стороны ножи, отвертки, кастеты.

Бой начался. Васька с Вовкой кулаками владели отлично. Противники кубарем отлетали в стороны. Ленька этому искусству только учился. Он неумело махал руками. Чтобы не сбили с ног, прислонился к стене клуба. Он не заметил момент удара, в голове колыхнуло, и из раны просочилась кровь. Драка мгновенно остановилась. Все взгляды устремились на отморозка Ваську Рукавишникова. В руках тот держал кастет.

Не сговариваясь, обе группировки по очереди крепко поколотили того. Били только руками. А когда он упал, бойня прекратилась.

Леньку ватагой повели к колодцу. Промыли глубокую рану, перевязали платком и попросили ничего не рассказывать об этом происшествии родителям.

Ленька переночевал на сеновале. Голова сильно болела, и он обратился за помощью к матери. Та обработала марганцовкой и мазью рану, спросила:

– Кто?

– Упал вечером на рельсах.

Мать недоверчиво покачала головой. О драке узнали участковый милиционер Гурьянов, директор школы Владимир Петрович.

Допрашивали в два голоса. Пацан твердил одно:

– Стукнулся о рельсу.

Правда все равно всплыла. Участковый вызвал Ваську и его отца. Вечером весь поселок слышал душераздирающие крики. Отец воспитывал ивовыми прутьями хулигана Ваську. На следующий день директор школы собрал родителей подростков. Набралось человек сорок.

Владимир Петрович предложил пригласить на совещание Сашку Зидрашку.

Некоторые возмутились:

– Мы что, доверим судьбу детей этому уголовнику?

Владимир Петрович возразил:

– Послушайте меня внимательно: лет девять назад Сашка, а он наполовину цыган, прогуливался по парку. Шестнадцатилетний подросток пригласил на свидание девушку. Вы помните, в те годы Троицк кишел бандами уголовников.

Девушка, увидев парня, побежала к нему навстречу. В это время на скамейке распивали пиво трое взрослых парней. Один из них подставил ногу, и девушка ударилась лицом об асфальт.

У Сашки взыграла цыганская кровь. И он с размаху врезал одному из верзил. Другой выхватил нож и попытался ударить им парня. Сашка перехватил руку и всадил нож обидчику в грудь. Тот умер мгновенно.

Сашка поднял девушку с земли, успокоил ее и пошел в милицию. Его осудили на восемь лет.

Вышел на свободу через четыре года. В зоне он жил вольно, не по понятиям. Урки затаили на него зло и пообещали отомстить.

– Ирония судьбы, – продолжил директор, – уголовники забили так называемую стрелку в том же парке.

Сашка пришел один. Его окружила группа бандитов. Разговор произошел короткий, вернее, его и не было: взмах финки, Сашка увернулся в сторону, перехватил клинок и всадил его урке. Тот умер сразу же.

– Да, я забыл сказать, что Александр до «стрелки» пришел к начальнику милиции и честно предупредил его о готовящемся преступлении.

Тот лишь отмахнулся:

– Ты, Зидрашка, не фантазируй. Поменьше пей водки.

Сашка пожал плечами и устремился навстречу своей грустной судьбе.

И снова суд. И снова восемь лет заключения. И снова через полсрока Сашка оказался на свободе.

На Золотой Сопке он пользуется авторитетом не только у подростков, но и у большей части их родителей: весельчак, не подлый, где надо – мог помочь, главное – был честный.

Естественно, девушки его любят. Но он верен одной – Галине Рыжаковой. И та отвечает взаимностью.

...Подумав, взвесив все «за» и «против», родители дали согласие на сотрудничество с Сашкой.

В субботу Зидрашка собрал в клубе подростков и юношей постарше. Вступление его было коротким:

– С этой минуты никто не носит с собой холодное оружие. Мы не бандиты. Я же вас научу приемам бокса и карате.

Радости пацанов не было предела. Секция заработала на полную мощь. Ребятишки приходили домой с синяками, часто – с разбитыми носами. Родители не волновались: их дети учились мужеству.

Драки поутихли. Но не навсегда. Периодически во время танцев вспыхивали ссоры, но ни один человек не доставал оружие, отношения выясняли на кулаках.

Ленька не был мстительным. Но обида на Ваську с кастетом не проходила. И его час настал. В выходные возле клуба началась потасовка. Пацаны замахали кулаками. Васька оказался возле большой лужи. На нем был ослепительно белый плащ и такого же цвета кепка. Ленька с размаху налетел на своего соперника, применил прием: парень с грохотом рухнул в грязную лужу. Плащ, естественно, был испорчен.

И, как в прошлый раз, драка остановилась. Раздался дружный хохот...

Учителя тоже составили свой план. Литераторша, бывшая фронтовичка Мария Викторовна Степанова, взяла под свою опеку лучших, чуть хулиганистых учеников. Она расширила школьную программу, и ребята стали основательно изучать русский язык и литературу. Ленька записался в кружок Марии Викторовны. Она материал знала досконально, но была очень строгая, недолюбливала лентяев, особенно девочек. За проступки мальчишки получали линейкой по спине, а девочек она сажала на 5—10 минут в шкаф. Об этих методах знали директор школы, родители. Все делали вид, будто ничего не замечают. Одними уговорами детей тех лет трудно было удержать от дурных поступков. Учителя были сплошь фронтовики, методы воспитания подчас применялись суровые.

Лидия Александровна – ее за маленький рост звали тушканчиком – вела естествознание. Она сгруппировала вокруг себя девочек, которые с удовольствием изучали мир животных и растений. На практике лечили кроликов, рвали для них траву, чистили клетки.

Самый интересный кружок вел директор школы. В кабинете химии что-то вечно взрывали, вызвали молнии, подчас грохот был слышен на всю округу.

Процентов восемьдесят школьников сумели вовлечь в кружки. У них оставалось мало времени на нестандартное поведение. Но до идеальной школьной жизни учителя не могли довести жесткую действительность. На Золотой Сопке обосновалась семья Волковских. У них было семеро детей, и все мальчишки, которые не отличались хорошим поведением. Учились

плохо, если что не по ним – лезли в драку. Уговоры, строгие меры не помогали. Вся семерка под стать своей фамилии – волчата. Со временем Волковские много горя принесут окружающим людям. Двоих по суду расстреляют за убийство, один погибнет в драке, остальные скоротают свою жизнь в зоне.

...Ленькино сердце надрывалось от счастья. Он штудировал Устав ВЛКСМ, готовился к зачислению в ряды лучших из лучших – в комсомол. Ему не исполнилось и четырнадцати, но пионервожатая Шура Афанасьева, она же секретарь комитета комсомола школы, лично написала рекомендацию Леньке, где было сказано: «Активно участвует в жизни школы, слышит надежным товарищем, на нем в основном держится кроликоферма». И еще юноша был бессменным Дедом Морозом. Никому из ребят не давалась так хорошо эта роль. Снегурочка – Валя Каркулова. С ней Леньке всегда было просто и легко. Валя была отличницей, но никогда не кичилась этим, любила литературу, словом, была своим парнем «в доску».

Школа всегда бурлила в хорошем смысле. Учеба шла сама собой, но интересно проходили мероприятия вне учебного процесса. Октябрята существовали в своем мирке. Они гордились значками с образом Володи Ульянова, сдавали макулатуру, много читали, ставили мини-спектакли. У пионеров были более сложные мероприятия, они, естественно, старались хорошо учиться, помогали старикам: кололи дрова, топили печи, летом пропалывали огороды, девочки наводили в домах пожилых людей порядок.

Комсомольцы – это особая каста. Они первые помощники учителей: на переменах следят за порядком, убирают в классах. И конечно, среди десятков мероприятий – вечерние костры на берегу реки, где ловили рыбу, варили уху и мечтали о будущем. Девчонки, как правило, хотели быть врачами и педагогами, мальчишки – космонавтами, летчиками и моряками.

Ленька «глотал» книги Жюль Верна, бредил морем. Он твердо решил стал штурманом дальнего плавания. До осуществления мечты еще оставалось время, пока все жили той действительностью, которая окружала их. У старшеклассников появились первые симпатии. Леньке нравилась Лида Мокшанова. Полненькая, серьезная девушка, она жила чуть наискосок от дома Кабановых. Паренек после занятий садился на скамейку и ждал, когда на улицу выйдет Лида. В мечтах он ходил с ней в кино, на танцы и даже робко целовал в щечку.

Но вот появилась другая девочка, Люся Карелина. Их семья только что переехала на Золотую Сопку из Кустаная. Хрупкая, изящная, она производила неизгладимое впечатление. Едва увидев Люсю, он терялся от нее. Сердце билось так, что ныла грудь. Все это подмечала мать. Видя мучения сына, она повела с ним беседу:

– Леня, кого ж ты любишь?

Подросток, потупив глаза, сказал:

– Обоих.

Мать серьезно ответила:

– Люби, но голову не теряй. Время, сынок, лечит. Оно все расставит по своим местам. Я тоже в твоём возрасте влюблялась и в Петю, и в Васю, а вышла замуж за твоего отца. Сейчас я его люблю больше жизни.

На очередном субботнике Ленька трудился со своими возлюбленными. Счастью его не было предела. Ленька пристроился работать к Лиде. Они дружно чистили клетки, носили на школьный огород навоз. И вдруг он увидел под глазом девушки фурункул. Он оторопел. Его божество превратилось в обыкновенного человека. Ленька посерел лицом. Нет! Он любил другую Лиду: чистую, светлую, сказочную. А рядом оказалась обыкновенная девчонка.

Парень разочарованно прихватил лопату и начал помогать Люсе. Трудился он вяло, весь был в своем горе. Очнулся от шипящего мата Люси:

– Ты что, гусеница, работать разучился?

Холодный взгляд резанул по Леньке. Рухнула и вторая любовь.

Парень отбросил в сторону инструменты, побежал домой, забрался на сеновал и громко зарыдал. Мать слышала стенания сына, но вмешиваться не стала.

С того времени Ленька перестал влюбляться.

Глава 11

Леньку избрали секретарем комитета комсомола школы.хлопот прибавилось. Из горкома комсомола поступало много бумаг: надо проводить собрания, помогать в учебе малышам, организовывать субботники, не забывать инвалидов-фронтовиков и стариков.

Общественная работа Леониду нравилась. Помогала ему Валя Каркулова. Девушка втайне была влюблена в своего комсорга, но он этого не замечал. Как-то на субботнике убрали мусор под железнодорожным мостом. Насыпь была крутая, Валя поскользнулась, кувырок полетела в реку. Вода в ней беспокойная, бурлящая, течение быстрое. Леня в последний момент ухватил девушку за ногу. Они влетели в воду, оба промокли. Кое-как выбрались на берег. Девушка прижалась к спасителю, затихла. Но Ленино сердце билось ровно:

– Беги домой, обсушись.

Валя взглянула, едва сдержав слезы:

– Дурак!

Парень пожал плечами и начал выжимать одежду.

По окончании учебного года Леонид пошел работать к отцу, машинисту экскаватора, его оформили помощником. Для поступления в мореходку нужен стаж. Работающих абитуриентов принимали вне конкурса.

Функции помощника несложные: шприцевание узлов и агрегатов, чистка ковша.

Экскаватор отца рыл траншею для водопровода в самом городе Троицке. Следом рабочие прокладывали трубы. В бригаде выделялся один старик. Иногда он делал из табака самокрутку, что-то добавлял в нее и курил с огромным удовольствием: блаженная улыбка после затяжки расплывалась по всему лицу.

– Дедушка, что это у вас за табачок? – спросил Леонид. – Вы после курева будто заново родились.

Дед, его звали Семен, почти злобно ответил:

– Ты, парень, запомни крепко. Эту гадость никогда не бери в руки. Наркотик я потребляю.

И объяснил, что это такое.

– Да, сколько, думаешь, мне лет?

– Ну, шестьдесят.

– Не угадал. Мне сорок. В тюрьмах научился я этому.

И добавил:

– Здоровье все ухлопал. Да наркотики помогли. Скоро, видно, помру.

Ленька успокоил:

– До ста лет доживете.

Дед Семен как-то отрешенно посмотрел на парня и пошел работать. Через неделю он умер. Смерть Семена потрясла Леонида. И в тот момент он поклялся никогда не притрагиваться к наркотикам.

Беда не приходит одна. Следом наступила еще одна смерть. Умер дед Владимир. Старика хоронили скромно. Богатства в его доме не было. Алименты, что он получал от отца Леонида, шли на алкоголь, табак. Хорошо, что дети старика, Валентина и Николай, работали. Это спасало семью.

Яму вырыли напротив могилы Зинаиды. Соседи и родные пустили слезу ради приличия. Деда никто не любил, даже близкие и родные.

А вот козла – пьяницу и курильщика жалели все. Животное, потеряв хозяина, металось по поселку. Козел нападал на людей. Леонида он почему-то не трогал. Парень пытался кор-

мить, поить его. Тот отталкивал пищу. А вот увидев в руках парнишки самокрутку, радостно запрыгал. Вдохнул в себя пару раз горький дым и успокоился.

Спиртное козлу не давали, хотели отучить от пагубной привычки. Но ошиблись. Животное стало хиреть, стонать, и однажды его сердце остановилось. Душа козла устремилась к хозяину.

Эти две смерти крепко врезались в сердце Леонида. Деда Владимира он по-своему любил. Тот, когда выпьет, много рассказывал о себе, своих родных. Брат деда Алексей в революцию 1917 года получил пост заместителя всех церквей Северного Кавказа. Отец Алексей был грамотным человеком, много читал, под псевдонимом выпустил несколько книг. Когда установилась советская власть, его не сослали в Сибирь и не расстреляли, как иных священнослужителей. Алексея Кабанова назначили наркомом просвещения Северного Кавказа. Много добрых начинаний числилось за ним. Он открывал школы в селах и городах, помогал готовить учительские кадры. На работе и сгорел, умер в 1938 году.

Козлу Леонид вырыл в степи могилу и похоронил. Долго сидел он у холмика и тогда же поклялся, что животных не будет обижать и по возможности будет ухаживать за ними. Они, думал юноша, в чем-то намного лучше людей.

С тяжелыми мыслями Леонид пошел к деду Александру. Бабушка Ирина и Катя топили баню. Сегодня у деда гостил его двоюродный брат Иван Истомин. Старик жил бобылем. Жену он похоронил полгода назад, дети разъехались по стране.

Перед баней взрослые выпили по стопке водки. Стол, как всегда, был завален вкуснятиной: щука, запеченная в русской печи, крольчатина с картошкой, посреди стола красовался пыхтящий самовар.

Леонид нехотя поклевал салат, с трудом осилил миску супа. Настроения не было, и он первым пошел мыться. Едва он намылил голову, в парную ввалился дед Иван. Леонид быстро ополоснулся и оставил старика одного.

Дома он налил себе чашку чая, и в это время все услышали дикий ор Ивана. Гольный, грязный, он ввалился в горницу и благим голосом закричал:

– Меня чуть не порешила Прасковья!

Он говорил об умершей жене.

Баба Ирина и Катя перекрестились, а мужики ринулись к бане. Не добежав метра, все остолбенели. Дверь сама открылась, и белое облако, похожее на человека, медленно ушло в небо.

Дед произнес:

– Много грешил ты, Ванька. Вот Прасковья и мстит.

Леонид, стуча зубами, спросил:

– Как он грешил?

– Гулял по замужним бабам, пил, сильно бил жену.

В тот вечер больше никто в баню не пошел. На следующий день дед Александр привез священника. Он освятил баню, дом Истоминых, и с тех пор тетка Прасковья больше не появлялась, а ее муж бросил пить.

Глава 12

За поселком раскинулась широкая степь. До самого горизонта растут ковыль, мелкие травы, видны проплешины песка. Жители пасут коров, планеристы из Троицкого ДОСААФ покоряют небо. Зрелище это незабываемое. В маленьком планере помещается всего один человек. Воздушное судно сзади привязывают к колу, вбитому в землю. Спереди человек двадцать – как правило, поселковые мальчишки – натягивают мощные резины. По команде происходит щелчок, планер отцепляется от кола и взлетает. Садится на землю при попутном ветре. В эти секунды кругом стоит визг восторга, люди задирают головы и неотрывно смотрят ввысь. Вот у планера иссякают силы, и штурман медленно толкает ручку управления от себя. Маленький удар о землю, и полет окончен. Фонарный самолетик грузят на машину и увозят в ангар.

В трагический воскресный день все шло не так, как надо. Ветер менял направление, вдобавок надвигалась гроза. Руководитель полетов собирался отменить мероприятие, но молодые летчики уговорили этого не делать. Первой села в кабину девушка. Пацаны натянули резину, самолетик боком взлетел, ветер неожиданно рванул его, перевернул и... он рухнул на землю. Девушка погибла.

С тех пор полеты отменили.

На месте степи власти решили посадить ели и елки. Это, по их мнению, будет своеобразный природный щит. Знойные ветры тащили из Казахстана песок. Он, естественно, не в радость жителям.

Загвоздка неожиданно оказалась в нехватке рабочих рук. Руководители лесхоза обратились к школьникам. Леонид срочно созвал объединенное комсомольско-пионерское собрание. Директор школы обратился к подопечным:

– Ребята, нужно помочь району и городу. В лесхозе людей раз-два и обчелся, а на посадку нужно минимум сорок рабочих. И мы надеемся на вас. Работа будет оплачиваемой. Кто пойдет помогать?

Лес рук взметнулся в одно мгновение. Вся школа проголосовала единогласно.

Комсорг о чем-то пошептался с активистами и высказал просьбу:

– Товарищи взрослые. Нам нужны саженцы березы, всего штуки три.

– Для чего?

– Пока это секрет.

Руководитель лесхоза ответил положительно.

– Выделим вам, ребята, березки.

Во внеурочные дни школьники работали с утра и до обеда. Их сменяли взрослые. Те уходили домой затемно, со временем не считались. На полutorке ребятам привозили воду, изредка – хлеб с вареными яйцами. Обеды брали из дома. Стандартные: хлеб, молоко, по кусочку колбасы. Родители могли позволить для детей такую роскошь. Все в основном работали на железной дороге и на ГРЭС, заработки в этих отраслях были приличные.

А Леонид с друзьями по вечерам «колдовали» над задуманным. Учитель труда Алексей Николаевич дал им ключи от мастерской. Комсомольцы достали фанеру, краску. За неделю задумку воплотили в реальность.

Ровные ряды сосенок выросли на глазах. Девчонки и мальчишки работали с азартом, никто не отлынивал. Когда же получили первую зарплату – по 16 рублей, – всех распирали гордость. На эти деньги можно кормить семью почти месяц.

Наступил момент, которого ждали комсомольцы. Они дошли до того места, где погибла девушка-планерист.

Ленька с товарищами нарушили ровные рядки и в этих местах по углам посадили три березки, внутри установили памятник. На покрашенной фанере написали:

«Здесь трагически оборвалась жизнь юной девушки-летчицы. Мы помним ее и будем помнить всегда. Клянемся – не подведем тебя, юная героиня, ты наш путеводитель в будущей жизни».

И поставили сорок подписей.

Об этом узнали взрослые. На следующий день к памятнику пришла целая толпа родителей и учителей. Женщины плакали навзрыд, мужчины втихаря утирали слезы.

Наступил момент, когда надо было подумать о будущей профессии. И снова собрались комсомольцы. Повестка одна: кто какую путевку в жизнь выберет.

Споры шли горячие. Оля Черногузова собиралась выучиться на проводника. На девушку обрушился град негодования:

– Ты отличница. Выбирай будущее покруче.

Черногузова стояла на своем:

– Это мое твердое решение.

Валя Каркулова собиралась учиться на бухгалтера.

И ее осудили.

Васька Рукавишников сгладил обстановку:

– Мы с Леонидом пойдем в мореходку.

Гул одобрения пронесся по классу.

К концу собрания список пополнился летчиками, целинниками, поварами, железнодорожниками.

Артистом или политиком никто не захотел быть.

Глава 13

Учился Леонид хорошо. Особенно удавались ему гуманитарные предметы. Ниже пятерки по ним не получал. По математике, химии стояли твердые четверки.

С Васькой Рукавишниковым выбрали город Калининград. Оттуда веяло романтикой. Бывший немецкий город после войны стал советским. О нем много рассказывали фронтовики. И главное – там где-то была спрятана янтарная комната и находилась могила немецкого философа Иммануила Канта.

На домашнем совете Леонида последний раз отговаривали:

– У нас в роду никогда не было моряков. Иди лучше в энергетики, на худой конец – в педагогический, – горячился дед Александр.

Отец поддакивал:

– У тебя же, сынок, отличные оценки по русскому и литературе.

Только мать поддержала сына:

– Поступай, как решил. Даже если ошибешься в выборе профессии, ты молод, всегда можешь пойти по другому пути.

Леонид забыл о танцах, встречах с друзьями. Сидел на скамеечке и зубрил науки. Он знал, что в мореходку идет много людей, учиться попадают самые лучшие, притом с отменными здоровьем и чистой биографией.

Хотел стать штурманом дальнего плавания и третий друг – Володя Бредихин. Но судьба распорядилась иначе. У него оказались слабые легкие, и комиссию он мог не пройти.

Иногда на скамеечку подсаживалась мать. Она сожалела, что сын уедет.

– Тяжело мне будет. Отец вечно на работе и учебе, он тоже решил получить диплом, правда, энергетика. Юрка маленький, а с Любой нет сладу. Невзлюбила меня дочь. Годы прошли после смерти Зины, а она частенько ведет себя как волчонок. Соседи еще подзуживают, мол, мачехи хорошие не бывают.

– Не терзайся, мама, подрастет сестренка, поймет все.

– Не знаю, не знаю...

Утром Леонид повез мать на пастбище. Там паслась корова, и ее надо было подоить. Мотоцикл ИЖ-49 – машина мощная, и три километра они проехали мгновенно.

Татьяна отругала пасынка:

– Гнал как сумасшедший. А если б убились?

– Не впервой.

Однако возвращались, снизив скорость, молоко в бидоне могли расплескать.

– Смотри, Леня, – мать показала в сторону реки Чернушка.

Сын остановил мотоцикл. На берегу двое мужчин избивали молодого парня. Леонид сорвался с места и ринулся к дерущимся. Бидон вывалился из рук матери, молоко мгновенно впиталось в землю.

Парень подскочил к хулиганам и старшего рванул в сторону. Второй влепил ему оплеуху. Пацан, которого избивали, прыгнул в реку и исчез на другом берегу.

Двое мужиков набросились на Леонида. Удары посыпались градом. Парень едва успевал отбиваться. Спасла мать. Пустой бидон опустила на плечи зачинщиков драки. Один из них взвыл:

– Прекрати, Сидоровна.

И Леня узнал их. Один – дядя Коля Наумов, второй – местный пьяница Иван Караулов.

– За что парня калечили?

– Так уж и калечили! Это воришка из села Бугристое. Сети воровал. Мы долго не могли поймать. А тут вы помешали.

– Я вас в милицию сдам, – горячилась мать. – Из-за вас молоко пролили.

– Успокойся. Мы вершили доброе дело. И не страшай милицией. Попомни, больше красть этот гаденыш не станет.

Вечером герои принесли в дом Кабановых ведро молока. Отец выставил на стол бутылку водки. На огонек зашел местный участковый Гурьянов. Узнав, в чем дело, сказал:

– Правильно сделали. Но я вам этого не говорил.

Наступил день отъезда. Документы ребята отослали заранее. Ответ пришел положительный. Вызов был в руках. Радости Леонида не было предела. Он уже в мечтах видел себя в форме штурмана дальнего плавания, моря и океаны – всё у его ног.

Отец и дед Александр снабдили его деньгами, мать перекрестила в дорогу.

Поезд мчал их в Москву. Казанский вокзал встретил шумом, толкотней, десятками буфетов и множеством залов. Парни быстро сориентировались, почти без подсказок добрались на метро до Белорусского вокзала. Там наспех перекусили и отправились на экскурсию по столице.

Конечно, город их оглушил. Чего стоил ВДНХ! Особенно долго стояли в космическом павильоне, даже дотрагивались до капсулы, на которой летал в космос Юрий Гагарин. Потом любовались красавцем МГУ.

Вечером сели в поезд, покатали на Запад. Калининградский вокзал Леониду не очень пришелся по душе. Половина его разбита со времен войны, помещения маленькие, серые. Не чета Москве.

До училища рукой подать – добрались пешком. Поселили с сотнями других абитуриентов в общежитии. Ленка завистливо поглядывал на курсантов и был уверен, что его примут.

Первым писали диктант по русскому языку. «Плевое дело», – подумал Леонид, и спокойно осилил текст.

На следующий день подошли к доске, где висели списки с оценками абитуриентов. Против фамилий Леонида и Василия красовались двойки.

Домой они возвращались униженными и опустошенными.

Весь год Леонид готовился к повторному поступлению, параллельно работал. Он хотел сам накопить денег на дорогу, не лезть к родителям в карман. Василий, его лучший друг, отказался от повторной затеи. Ему отец приказал работать. В семье Рукавишниковых было много детей, их-то надо поднимать на ноги.

За несколько дней до отъезда у Леонида состоялся нелегкий разговор с сестрой Любой.

– Братец, не покидай меня. Чужая я здесь. Только у бабушки я спокойна. Нет дружбы у меня с мачехой. Она любит только своего Юру. Я же рабыня.

– Сестренка! Ты не права. Прощай ей какие-то поступки, все-таки она мать.

– Как прощать? Погляди на мои ладони.

Леонид повернул руки сестры к себе. Они были в волдырях да в мозолях.

Сестренка продолжала:

– Ты парень, ты ничего не замечаешь. Она же на мне ездит. Огороды, скот, стирка – вот моя жизнь. Почему я плохо учусь? Да я вся в работе и слезах.

Леонид крепко задумался. Надо бы потолковать с отцом. Разговор сын с отцом завели подальше от людских глаз на рыбалке. Расставив сети, решили перекусить:

– Папа, Люба на мать жалуется, она вроде сильно ее эксплуатирует.

– Я не согласен с вами. Дочка работает не больше своих сверстниц. Насчет мозолей? Я сколько раз заставлял ее надевать при работе в сарае, на огороде перчатки. Не слушает она меня.

– Ты отпускаяй ее почаще к деду.

– Я ей не воспреещаю. А мать у вас справедливая. К Юрке у Любы ревность. К матери с детства неприязнь. Может, станет взрослой и поймет, что ошибалась.

С тяжелым чувством покидал Леонид отчий дом. Не все спокойно там было. Правда, радовало то, что дед Александр, Федя и Катя обещали создать вокруг сестры больше уюта, почаще брать ее в свой дом, по возможности, заменять родителей.

Как и в прошлый раз, первым в мореходке писали диктант. К ужасу Леонида, он опять получил двойку.

В юноше взвырало чувство злости. Минуя секретаршу, он ворвался к начальнику училища. Седой бывалый моряк выслушал сбивчивую речь парня и вызвал начальника судоводительского отделения Зеленского.

– Лично продиктуй, Петр Петрович, настойчивому парню диктант, сам проверь его знания.

Леонид получил хорошую оценку. Так он стал курсантом Калининградского мореходного училища. Позже преподаватели признались, что специально отсеивали абитуриентов: на одно место претендовало до тридцати человек. Преимущество получали местные, они в основном были детьми моряков, знали, как нелегка эта профессия.

Часть 2. Прыжок во взрослую жизнь

Глава 1

Учеба в мореходке начала разочаровывать Леонида. Высшую математику, навигацию, астрономию уралец преодолевал с трудом. И английский обязателен, ведь будущие моряки ходят за границу, а этот язык – интернациональный.

В кубрике, своего рода большой комнате, помещалась вся группа. Распорядок в училище строгий. По расписанию отбой, подъем, учеба, физподготовка, личное время и обязательно вечером отводилось три часа на закрепление пройденного материала.

Курсанты съехались со всего Советского Союза. Местных было двое. Длинными вечерами парни рассказывали о себе. В основном курсанты – дети моряков. Леонид и белорус Володя Гриб не относились к этой касте. Они и подружились. Гриб – уроженец Гомеля, родители – рабочие, а он, начитавшийся книг о море, решил стать штурманом дальнего плавания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.